

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАКТОВОК ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА У.Ф. АНКЕРСМИТА И Г. Г. ГАДАМЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются и сопоставляются концепции исторического опыта Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера. Интерес к феномену исторического опыта, наряду с нарративным поворотом, является одной из отличительных черт современной постметафизической философии истории. Особое внимание в статье уделяется проблеме соотношения исторического опыта и исторического нарратива. Концепции Гадамера и Анкерсмита рассматриваются как альтернативные и конкурирующие стратегии в области постметафизической философии истории. Водоразделом между этими концепциями выступает трактовка соотношения исторического опыта и языка историописания.

В ходе исследования использовались герменевтическая методология, исторический и сравнительно-исторический методы, проблемно-тематический способ анализа и изложения материала. Гадамер делает акцент на позитивной роли традиции и языка, которые выступают в качестве онтологических условий исторического опыта. Под историческим опытом у Гадамера понимается опыт обращения к преданию и его интерпретация. В концепции Анкерсмита акцент делается на негативной роли языка. Возможность аутентичного исторического опыта Анкерсмит связывает с перспективой освобождения из «тюрьмы языка». Язык историописания, с одной стороны, есть то, что неизбежно искажает аутентичный (доязыковой) исторический опыт, с другой стороны, он является единственно возможной формой его выражения.

Ключевые слова: история, историчность, исторический опыт, язык, исторический нарратив, ностальгия, философская герменевтика, традиция, Гадамер, Анкерсмит.

Наряду с «лингвистическим поворотом» и «поворотом к нарративу» одним из значимых конститутивов постметафизической философии истории становится «реабилитация» понятия *исторического опыта*. «Исторический нарратив» и «исторический опыт» оказываются своеобразными «центрами притяжения» в пространстве постметафизической философии истории и теории историописания.

Исторический опыт представляет собой относительно новый предмет изучения. Несмотря на это, данный концепт уже прочно закрепился в современной постметафизической философии истории. Это проявляется в многочисленных публикациях, посвящённых различным аспектам исторического опыта¹.

В исследовательской литературе неоднократно отмечалось², что и классический историзм, и нарративная философия истории, выдвигая на первый план проблему соотношения исторической реальности и исторического текста (нарратива), оставляли без должного внимания феномен исторического опыта.

В контексте классического историзма (от Дж. Вико до Гегеля и Маркса) принималось в ка-

понятие «уникальное» в современной теории истории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 328-350; Костякова Ю.Б. Исторический опыт: от понимания сущности к определению термина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26). Ч. II. С. 98-105.

² См.: Олейников А.А. Исторический опыт — новый предмет теоретических исследований // Homo historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 299-311.

¹ Erfahrung und geschichte: historische sinnbildung im pranarra tiven / Ed. by Th. Breyer and D. Creutz. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2010. 372 p.; Гавришина О. В. «Опыт прошлого»:

честве аксиомы, что *прошлое не может быть предметом нашего опыта*. Невозможность этого связывалась с тем обстоятельством, что прошлое как прошлое *отсутствует* «здесь и теперь», оно *прошло и ушло* (хотя от него могли остаться некоторые «следы» в виде текстов или материальных артефактов — то, что обычно называют «историческими свидетельствами» или «источниками»). Именно эти тексты и артефакты *опосредуют* наш доступ к прошлому, путь к прошлому лежит через исторические источники. Возможен *опыт чтения* исторических текстов, но невозможен *опыт самого прошлого*.

Нарративная историософия (Х. Уайт, П. Вен) радикализирует ключевой тезис классического историзма об *опосредованности* прошлого историческими текстами: тексты не просто *опосредуют* доступ к прошлому, они, по сути, *есть прошлое*. Прошлое не «за» текстами, но в самих текстах, и только в них.

Ф. Анкерсмит был, пожалуй, первым, кто обратил внимание на то обстоятельство, что «философский постмодернизм» и «нарративизм» в теории историописания представляют собой, с одной стороны, *самоотрицание* классического историзма, а с другой — *закономерный итог* его развития. То, что в классическом историзме именовалось «исторической реальностью», в нарративной философии истории рассматривается как *конструкт* или *эффект* историописания. Историческая реальность *конструируется* в ходе интерпретации исторических источников, в процессе нарративного историописания³.

Ф. Анкерсмицу, наряду с Г.-Г. Гадамером, принадлежит заслуга *переоткрытия* исторического опыта в современной постметафизической философии. Эти философы показали значимость данной проблематики для философии истории и предложили оригинальные концепции соотношения исторического опыта и исторического нарратива.

Обратимся к теории исторического опыта, разработанной Анкерсмитом. Заслуживает внимания тот факт, что ранние работы Анкерсмита (в частности, «Нарративная логика»⁴) вполне укладываются

в парадигму нарративной (постструктуралистской и аналитической) философии истории, тогда как поздние работы («История и тропология» и, особенно, «Возвышенный исторический опыт») знаменуют собой переход к принципиальной иной версии философии истории. Если в работе «Нарративная логика» Анкерсмит в целом придерживается характерной для лингвистической философии истории *конструктивистской* установки в отношении онтологического статуса прошлого, то в более поздних работах он осуществляет критику конструктивизма во имя *исторического опыта*. Осуществляемая Анкерсмитом критика «лингвистического трансцендентализма» и «нарративизма» в теории историописания — это критика не «извне», а «изнутри», она проистекает из признания принципиальной ограниченности и редуционистской направленности лингвистической (нарративной) философии истории.

Анкерсмит показывает, что в области философии истории «лингвистический трансцендентализм» неизбежно оборачивается *конструктивизмом* и *презентизмом*, то есть признанием прошлого в качестве *конструкта настоящего*. Конструктивистская установка принадлежит трансценденталистской и эпистемологической парадигме в философии и является, согласно Анкерсмицу, один из вариантов *эпистемологического скептицизма*. Эта установка «вытекает из неразумно завышенных требований к тому, что следует считать знанием»⁵.

Признавая несомненные успехи лингвистической философии истории в анализе структуры исторического нарратива, Анкерсмит в то же время отмечает, что платой за них стала утрата «радикальной инаковости» прошлого⁶. «Язык, — пишет Анкерсмит, — всегда рационализирует опыт и поэтому редуцирует его к малоинтересной категории — к простому приложению к языку и знанию»⁷. Такое понимание языка, ставшее господствующим в философии XX в., неизбежно приводит к «маргинализации» категории опыта, к изгнанию этой категории из философского дискурса.

³ Подробнее об этом: Дёмин И.В. Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2008. № 1. С. 3-10.

⁴ Анкерсмит Ф.-Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

⁵ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 175.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Пер. с англ. М.А. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 139.

В книге «Возвышенный исторический опыт» главной мишенью критики становится «лингвистический трансцендентализм», под вывеской которого Анкерсмит объединяет самые различные и на первый взгляд даже несовместимые философские направления: «метаисторию» Х. Уайта, философскую герменевтику Г.-Г. Гадамера, постструктуралистские теории Р. Барта и М. Фуко, неопрагматизм Р. Рорти, деконструктивизм Ж. Деррида и др.

Несмотря на существенные различия между герменевтикой, постструктурализмом и неопрагматизмом, все эти направления признают в качестве отправной точки единый и нерасчленимый континуум мира и языка⁸. «Мир» и «язык» образуют нерасчленимую целостность, соответственно, всякий опыт изначально оказывается опытом языковым. Опыт всегда опосредован языком, а доязыковой опыт невозможен, немыслим. Границы опыта совпадают с границами языка, опыт не может выйти за границы лингвистических структур. Применительно к истории это означает, что всякая наша соотнесённость с прошлым (в том числе и в измерении исторического опыта) всегда и существенно образом опосредована историческими текстами, нарративами. Это является исходным положением всякой лингвистически ориентированной философии истории (как постструктуралистской, так и аналитической)⁹.

Согласно Анкерсмицу, переключение внимания с языка историописания на исторический опыт согласуется с природой историзма, так как «историзм возник из озабоченности различием между нашим опытом восприятия мира и тем, как воспринимали мир люди прошлого»¹⁰. Под «историзмом» Анкерсмит понимает не столько определённую настоящего прошлым, сколько *относительность всяких суждений и оценок*. Анкерсмит ориентируется по преимуществу на *неклассическую модель историзма*. Он рассматривает исто-

ризм как «одну из самых едких интеллектуальных кислот, когда-либо изготовленных западной цивилизацией». «Религия, метафизика, традиция, истина — все они оказываются растворимыми в кислоте историзма»¹¹. Принцип историзма связывается Анкерсмитом с *возможностью историзации* всего, что претендует на невременное бытие (истин, ценностей, смыслов). Историзм, поэтому, становится для Анкерсмита естественным союзником в борьбе с «лингвистическим трансцендентализмом».

Основной вопрос, который решает Анкерсмит в своей книге, формулируется следующим образом: способен ли историк вступать в реальные, «опытные» (*experiential*) отношения с прошлым, в отношении, «которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами?»¹². Обоснованием положительного ответа на этот вопрос как раз и становится его концепция «возвышенного исторического опыта». В пику «лингвистическому трансцендентализму» Анкерсмит выдвигает собственный проект «*интеллектуального эмпиризма*», сосредоточивая внимание «на том, как мы воспринимаем (*experience*) прошлое и как этот опыт прошлого возникает в момент одновременного раскрытия и восстановления (*the discovery and a recovery*) прошлого»¹³.

В своей концепции исторического опыта Анкерсмит исходит из того, что «во-первых, опыт знакомит нас с миром; во-вторых, сознание предлагает нам репрезентации того мира, с которым мы знакомимся благодаря опыту; и, в-третьих, эти репрезентации могут выражаться с помощью языка»¹⁴. Эта схема соотношения «опыта», «сознания» и «языка» на первый взгляд кажется очевидной, так как она близка к тому, что подсказывает нам «здоровый смысл». На самом же деле, в ней проглядывает определённая и вполне «отрефлексируемая» онтология, имеющая свои корни в *докантовской (дотрансцендентальной) метафизике*. Последнее вполне понятно, так как именно в кантианстве Анкерсмит усматривает истоки и основания того, что он именует «лингвистическим трансцендентализмом». Заслуживает внимания то обстоятельство, что приведённая схема соотношения опыта, сознания и

⁸ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 121.

⁹ Дёмин И.В. Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 158–163.

¹⁰ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 111.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 25.

языка, фундирующая критику «лингвистического трансцендентализма», принимается Анкерсмитом без какого-либо обсуждения.

Под «историческим опытом» Анкерсмит понимает переживание реального «соприкосновение» с прошлым, хронологически и онтологически предшествующее всякому историческому нарративу и являющееся истоком и основанием последнего. Анкерсмит различает «объективный», «субъективный» и «возвышенный» исторический опыт¹⁵. Основное внимание он уделяет *возвышенному* историческому опыту, который и есть исторический опыт *sui generis*.

Возвышенный исторический опыт интерпретируется Анкерсмитом как «опыт обособления прошлого от настоящего»¹⁶. Отсылка к эстетической категории «возвышенного» призвана подчеркнуть радикальную *чуждость*, *инаковость* прошлого, его радикальную несводимость к «настоящему», невыводимость из него и даже *несоизмеримость* с ним: «В историческом опыте человек переживает радикальную странность прошлого; здесь прошлое не есть конструкт рассудка, но реальность, которая переживается с такой же непосредственностью и прямоотой, какие часто приписываются возвышенному»¹⁷. Возвышенный исторический опыт представляет собой *первоначальную* (донаучную и даже *доязыковую*) соотнесённость с прошлым, ещё не замутнённую «историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами»¹⁸.

Позиция Анкерсмита по вопросу о соотношении исторического опыта и языка (исторического нарратива) выражается тремя метафорами. Характеризуя модель соотношения языка и опыта в лингвистическом трансцендентализме, Анкерсмит использует метафоры «*господина*» и «*тюрьмы*»,

излагая же собственную позицию по этому вопросу, он прибегает к метафоре *красок и холста*.

Согласно Анкерсмит, язык в горизонте трансцендентальной философии представляет собой «тюрьму», в которой «заперт» наш опыт. «Разве трансцендентализм не даровал языку право выступать вездесущим господином (или тираном?), от которого невозможно ускользнуть? Или, хуже того, разве язык нельзя назвать «тюрьмой», из которой мысль и опыт никогда не могут освободиться?»¹⁹. В контексте лингвистически ориентированной философии никакое содержание опыта принципиально не может выскользнуть из континуума языка и мира, и этот факт безвозвратно запирает опыт в «стенах языка».

Анкерсмит стремится понять и объяснить, «как мы оказались в тюрьме языка», а также наметить пути выхода, освобождения из этой тюрьмы. «Понятие опыта, — пишет он, — может служить нашим проводником на пути к свободе»²⁰. Анкерсмит убеждён в том, что «опыт предшествует языку <...>. Сначала вы испытываете что-то (например, претерпеваете прошлое), а затем записываете то, что испытали»²¹.

Для пояснения собственной позиции по вопросу о соотношении языка и исторического опыта, Анкерсмит прибегает к метафоре красок и холста: язык уподобляется краскам, которые *использует* художник, рисующий картину (прошлого). При этом краски как краски в идеале должны исчезнуть, раствориться в картине. Язык используется или «*расходуется*» для выражения (материализации) опыта историка, исторического опыта²². Язык историописания понимается Анкерсмитом как бесконечный резервуар, из которого историк черпает *средства выражения* своего исторического опыта, а само историописание в этой связи можно рассматривать как перманентный *эксперимент с языком* (наподобие экспериментов с красками и цветом в живописи)²³.

Используя данную метафору и отвергая характерное для герменевтической и постструктуралист-

¹⁵ Подробнее об этом: Суворов Г.В. «Поворот к опыту»: метод познания истории в концепции «интеллектуально-го эмпиризма» Ф.-Р. Анкерсмита // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 1. С. 224–229.

¹⁶ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 368.

¹⁷ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Пер. с англ. М.А. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 137–138.

¹⁸ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 121

²⁰ Там же. С. 132.

²¹ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. С. 143–144.

²² Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 203.

²³ Там же. С. 203.

ской философии понимание языка и мира в качестве нерасчленимого единства или континуума, Анкерсмит, тем самым, возвращается к классическому (метафизическому) пониманию языка как *выражения опыта/сознания*. Подчёркивая доязыковую природу исторического опыта, Анкерсмит утверждает, что исторический опыт стоит ближе к ощущению или опыту боли, нежели к предметному восприятию стола или дерева²⁴. Другими словами, Анкерсмит исходит не из *эмпиристского* понимания опыта, но, скорее, из *экзистенциалистского* его понимания.

Отрицая «посредничество» «языка», «нарратива», «метода» и обосновывая *непосредственный* характер исторического опыта, Анкерсмит признаёт в качестве его единственного «трансцендентального» условия *личность* самого историка, интерпретирующего тексты²⁵.

Аутентичный опыт прошлого, согласно Анкерсмицу, — это *до- и внеязыковой* опыт. В «лингвистическом трансцендентализме» принималось в качестве аксиомы, что ни знание, ни опыт вне языка невозможны, немислимы. Анкерсмит, соглашаясь относительно знания (историческое знание действительно невозможно вне языка или нарратива), возражает относительно опыта: возвышенный исторический опыт — это не только *дотеоретический, донаучный*, но также и *долингвистический, доязыковой* опыт. Язык не предшествует историческому опыту, он является всего лишь формой выражения исторических репрезентаций (то есть репрезентаций прошлого, открытого историку в историческом опыте). Анкерсмит стремится уничтожить всякий «интерфейс между историком и прошлым»²⁶, так как «между языком и опытом невозможно никакого компромисса, победа одного оборачивается неизбежным поражением другого»²⁷.

Для Анкерсмита представляется важным разработать такую концепцию исторического опыта, которая заведомо бы исключала возможность «освоения» и «присвоения» прошлого субъектом. И в этой связи Анкерсмит обращается к *феномену ностальгии* и интерпретирует возвышенный исторический опыт как опыт ностальгии или ностальгический опыт. Прошлое, данное нам в ностальгическом опыте, есть прошлое недостижимое для нас

в том смысле, что его невозможно «использовать» для нужд настоящего²⁸. «Опыт истории, — отмечает в этой связи П. Резвых, — в основе своей есть опыт не единения, а разделения, не ассоциации, а диссоциации, не герменевтического “слияния горизонтов”, а удержания радикальной несводимости двух темпоральных перспектив»²⁹.

Конститутивным для исторического опыта выступает «расстояние» или «дистанция» между «прошлым» и «настоящим». «Ностальгический опыт прошлого, — пишет Анкерсмит, — последовательно защищает недостижимость прошлого, уважает расстояние или различие, являющееся необходимым для возможности исторического опыта»³⁰. В ностальгическом опыте, согласно Анкерсмицу, мы познаем не «прошлое непосредственно», но *различие* или *расстояние* между настоящим и прошлым³¹. «Ностальгия сообщает нам *единство* прошлого и настоящего: так, опыт различия требует одновременного присутствия того, что лежит на обоих концах различия, то есть и прошлого, и настоящего. В опыте различия прошлое и настоящее объединены»³² (курсив Анкерсмита. — И.Д.).

Выражение «реальность различия» является метафорическим, поэтому и берётся Анкерсмитом в кавычки. Строго говоря, «реальность» может быть реальностью *различного, различённого* (то есть опять-таки «прошлого» и «настоящего»), а не самого различия. Правильнее, поэтому, говорить о ностальгическом опыте или переживании как *целостном феномене*, в котором «прошлое» открывается в его отличии от «настоящего» и, можно добавить, — в его *недостижимости* для «настоящего».

²⁴ Там же. С. 272–273.

²⁵ Там же. С. 146.

²⁶ Там же. С. 169.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Подробнее см.: Дёмин И. В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 1 (11). С. 16–25.

²⁹ Резвых П. Опыт разрыва и событие любви (Тезисы об «историческом опыте» Ф. Анкерсмита и «вечном прошлом» Ф. Шеллинга) // Новое Литературное Обозрение. 2008. № 92. С. 201.

³⁰ Анкерсмит Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 375.

³¹ Дёмин И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 1 (11). С. 16–25.

³² Анкерсмит Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 374.

Анкерсмит интерпретирует ностальгический опыт как *аутентичный* опыт прошлого. Такая интерпретация имеет в качестве своей предпосылки идею о том, что язык или исторический нарратив *сам по себе* (каким бы он ни был) является преградой и «заслоняет» доступ к аутентичному прошлому.

Переживание прошлого является *аутентичным* не тогда, когда «оно точь-в-точь соответствует воспоминаниям, ожиданиям и практическим убеждениям историка», но тогда, когда оно «бросает вызов всем нашим интуициям о мире». «Только здесь мы можем встретиться с прошлым как таковым в его бескомпромиссной и радикальной чуждости, то есть в его “возвышенности”»³³. В такой трактовке сказывается изначально принимаемое Анкерсмитом допущение, что язык или нарратив, в котором прошлое *осваивается*, становится для историка *своим*, является «тюрьмой» подлинного, аутентичного исторического опыта. Эта предпосылка (что нарратив неизбежно искажает опыт прошлого, делая его «неаутентичным») имеет фундаментальное значение в концепции Анкерсмита.

В ностальгическом опыте прошлое и настоящее одновременно и разъединены, и объединены. Но и разъединены и объединены прошлое и настоящее могут быть лишь благодаря различию, благодаря историческому опыту как опыту различия. «В своей наиболее острой форме, — пишет А. Олейников, — ностальгия представляет собой такое восприятие действительности, в котором прошлое и настоящее, благодаря их конфликту, присутствуют вместе и неразрывно друг от друга»³⁴.

Трактовка исторического опыта как опыта *ностальгического*, как переживания разрыва между «настоящим» и «прошлым», между «теперь» и «прежде» имеет решающее значение для понимания онтологического статуса прошлого. «Прошлое» не предшествует историческому опыту, но рождается *одновременно* с ним³⁵.

Сама по себе мысль об *онтологической одновременности* «прошлого» и его «восприятия» (исторического опыта), имеющая свои истоки в феноменологической философии, представляется весьма плодотворной в контексте постметафизической философии истории. Однако у Анкерсмита эта мысль приобретает односторонне субъективистскую интерпретацию. Сам Анкерсмит, впрочем, отвергает обвинения в «субъективизме» и «релятивизме» на том основании, что данные термины принадлежат «эпистемологическому словарю» и не могут применяться в отношении «экзистенциалистского» понимания исторического опыта.

Таким образом, «реабилитация» понятия и феномена исторического опыта приводит Анкерсмита к необходимости отказа от базовых презумпций нарративной (лингвистической) философии истории. Поворот к опыту означает отказ от лингвистического поворота, возврат к *долингвистическому* (и даже *докантовскому*) пониманию соотношения мира и языка. И наоборот, *поворот к языку* в теории историописания, согласно Анкерсмитову неизбежно сопровождается *забвением опыта*. Повернуться к языку (историческому нарративу) — значит *отвернуться* от исторического опыта.

Однако в контексте постметафизической философии возможна и другая интерпретация, в которой лингвистический поворот не исключает, но *предполагает* пристальное внимание к проблематике исторического опыта. Речь идёт о концепции исторического опыта Г.-Г. Гадамера. Её следует рассматривать в связи с теми основополагающими интуициями, которые были сформулированы М. Хайдеггером в ходе экзистенциальной аналитики историчности *Dasein*.

В работе Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт» отдельная глава посвящена разбору и критике философской герменевтики Гадамера, а точнее, той концепции исторического опыта, которую предлагает Гадамер. Суть возражений Анкерсмита против этой концепции сводится к следующему: Гадамер, как и другие представители «лингвистического трансцендентализма», *жертвует опытом ради языка*. Это проявляется в том, что история сводится Гадамером к «действенной истории» (*Wirkungsgeschichte*), которую Анкерсмит рассматривает как «историю интерпретаций», «историю того, как на протяжении столетий осуществлялась интерпретация текста»³⁶. Анкерсмит

³³ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 111.

³⁴ Олейников А. Исторический опыт — новый предмет теории (URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения 14.05.12)).

³⁵ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 156.

³⁶ Там же. С. 125.

отмечает, что само прошлое «уже не играет никакой роли в повествовании Гадамера», «мы можем понять прошлое лишь постольку, поскольку оно услужливо принимает облик языка»³⁷. Таким образом, в философской герменевтике Гадамера, по мнению Анкерсмита, не только не остаётся места для аутентичного опыта прошлого, но и само прошлое растворяется в языке, в исторических интерпретациях.

В своей концепции исторического опыта Гадамер исходит из фундаментального положения хайдеггеровской экзистенциальной аналитики, согласно которому истории всегда и сущностным образом принадлежит «понятность» или «истолкованность». Это означает, что мы не имеем «непосредственного» опыта прошлого, и непосредственного «доступа» к нему. То, с чем мы всякий раз имеем дело, — это прошлое, так или иначе, уже истолкованное³⁸. История (*Geschichte*), согласно Хайдеггеру, существует всегда в принадлежащей ей истолкованности (*Ausgelegtheit*), которая, в свою очередь, также имеет историю (*Geschichte*). Из этого следует, что историография (*Historie*) всегда вынуждена «пробиваться» к своему предмету только через историю традиции (*Überlieferungsgeschichte*)³⁹. Именно этот аспект изначальной истолкованности прошлого и изначальной соотнесённости (*Bezug*) человека с традицией как Преданием (*Überlieferung*) и не учитывается Анкерсмитом в его критике гадамеровской герменевтики и в его собственной концепции исторического опыта.

Если Анкерсмит различает *исторический опыт* как «экзистенциальное» переживание дистанции между «прошлым» и «настоящим» и *репрезентацию прошлого* в нарративе историка, то Гадамер исходит из того, что опыт не предшествует его языковому выражению (то есть нарративу): «Проблема языкового выражения есть проблема самого понимания. Всякое понимание — истолкование, а всякое истолкование разворачивается в среде языка, который, с одной стороны, стремится выразить в словах сам предмет, с другой же — является языком самого толкователя»⁴⁰. В философской герменевтике Гадамера важен *взаимопереход*

истолкования в понимания и понимания — в истолкование: понимание смыслов *не предшествует* истолкованию текстов Предания (в таком случае истолкование было бы излишним), но и не является *следствием* и *результатом* истолкования (в таком случае истолкование лишилось бы своего основания). Истолкование опирается на понимание Предания, а понимание, в свою очередь, «держится» и выражает себя не иначе, как в деятельности истолкования. Понимание-истолкование, по Гадамеру, с самого начала имеет *языковой* характер. «Сущностная связь между языком и пониманием сказывается прежде всего в том, что само историческое предание существует в среде языка, так что предпочтительный предмет истолкования сам имеет языковую природу»⁴¹.

Осуществляющее истолкование Предания *действительно-историческое сознание* (*wirkungsgeschichtliche Bewußtsein*), по Гадамеру, имеет структуру опыта (*Erfahrung*)⁴². Более того, действительно-историческое сознание интерпретируется Гадамером как «подлинная форма опыта». Опыт же в исходном своём смысле есть «опыт человеческой конечности» (*Erfahrung der menschlichen Endlichkeit*)⁴³.

Под «историческим опытом» (*geschichtliche Erfahrung*) у Гадамера понимается, прежде всего, опыт *герменевтический*, то есть опыт понимания/истолкования текстов предания. «Предание — вот что должно быть испытано в этом опыте. Однако предание есть не просто свершение, которое мы учимся познавать путем опыта, над которым мы учимся господствовать, оно есть язык, то есть оно само заговаривает с нами, подобно некоему “Ты”»⁴⁴. Исторический опыт как опыт истолкование текстов предания сам, однако, изначально и фундаментальным образом *историчен*. Слово «историчность» (*Geschichtlichkeit*) применительно к герменевтическому опыту имеет у Гадамер два основных смысла, которые тесно связаны друг с другом: «историчность» представляет собой *конечность* или *ограниченность* человеческого бытия, но «историчность» также означает и *соотнесённость* действительно-исторического сознания с

³⁷ Там же.

³⁸ Дёмин И.В. Философия истории как региональная онтология. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2012. С. 89-99.

³⁹ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 442.

⁴⁰ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 452.

⁴¹ Там же. С. 453.

⁴² Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1990. S. 352.

⁴³ Там же. С. 363.

⁴⁴ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 424.

преданием, его «включённость» в свершающееся предание. Историчность, таким образом, является экзистенциально-онтологическим основанием герменевтического опыта.

Анкерсмит ставит Гадамеру в упрёк то, что он «дал нам не “опыт историчности”, но “историчность опыта”»⁴⁵. В этом возражении, однако, не учитывается, что указанные структуры («опыт историчности» и «историчность опыта») в контексте гадамеровской герменевтики являются *взаимопосредованными и неотделимыми друг от друга*: всякое обращение к традиции возможно не иначе, как на основании нашей *изначальной соотносённости с традицией* и само является «частью» (то есть *моментом свершения*) Предания.

Индивидуальный исторический опыт всегда *опосредован* традицией (другими словами, прошлое всегда уже так или иначе «истолковано») и, в свою очередь, сам является «*посредником*» в передаче традиции (соучастием в осуществлении традиции или свершении предания). «Наше историческое сознание, — пишет Гадамер, — наполнено множеством голосов, в которых отзывается прошедшее. Прошедшее существует лишь в многообразии этих голосов, что и образует существо исторического предания, к которому мы причастны и в котором стремимся участвовать. Само современное историческое исследование есть не только исследование; оно еще и опосредование этого предания (*Vermittlung von Überlieferung*)»⁴⁶. Таким образом, «историчность опыта» и «опыт историчности» в герменевтике

Гадамера вовсе не исключают друг друга, но являются звеньями одной цепи.

Гадамер в своей трактовке исторического опыта делает акцент на *позитивной* роли традиции (и/или языка). Исторический опыт включён в структуру герменевтического круга, который имеет не *эпистемологическую*, но *онтологическую* природу, то есть является «кругом» самого человеческого *бытия*⁴⁷. Язык и традиция выступают у Гадамера в качестве *онтологических условий возможности исторического опыта*, под которым понимается опыт обращения к преданию и его интерпретация. Доязыковой или внеязыковой опыт прошлого немислим, так как *принадлежность к традиции*, на почве которой только и возможен индивидуальный исторический опыт, всегда есть также и *принадлежность к языку*.

В концепции Анкерсмита акцент делается на *негативной* роли языка. Возможность аутентичного исторического опыта здесь связывается с перспективой освобождения из «тюрьмы языка». Язык историописания, с одной стороны, есть то, что неизбежно *искажает* аутентичный (доязыковой) исторический опыт, с другой стороны, он является единственно возможной *формой его выражения*.

Таким образом, концепции Гадамера и Анкерсмита представляют собой альтернативные и конкурирующие стратегии в области постметафизической философии истории. Водоразделом между этими концепциями становится трактовка соотношения исторического опыта и исторического нарратива (языка историописания).

Список литературы:

1. Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Анкерсмит Ф.-Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Бакшеев Е.С. «Две смерти» в культурах Японии и Рюкю (Окинавы): двустадийная погребальная обрядность в традиционных обществах как историко-культурологическая проблема (в контексте культур Азиатско-Тихоокеанского региона) // NB: Исторические исследования. 2013. № 1. С. 129–191. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_470.html).

⁴⁵ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. С. 278.

⁴⁶ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 311.

⁴⁷ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 152–153.

5. Гавришина О.В. «Опыт прошлого»: понятие «уникальное» в современной теории истории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 328–350.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Дёмин И.В. Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2008. № 1. С. 3–10.
8. Дёмин И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 1 (11). С. 16–25.
9. Дёмин И.В. Философия истории как региональная онтология. Самара: Самар. гуманит. акад., 2012. 202 с.
10. Дёмин И.В. Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 158–163.
11. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Пер. с англ. М.А. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
12. Костякова Ю.Б. Исторический опыт: от понимания сущности к определению термина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26). Ч. II. С. 98–105.
13. Олейников А.А. Исторический опыт — новый предмет теоретических исследований // Homo historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 299–311.
14. Олейников А.А. Исторический опыт — новый предмет теории (URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения 14.03.14)).
15. Прохоров М.М. Бытие и история: взаимосвязь и определение // NB: Философские исследования. 2013. № 2. С. 1–71. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_113.html).
16. Резвых П. Опыт разрыва и событие любви (Тезисы об «историческом опыте» Ф. Анкерсмита и «вечном прошлом» Ф. Шеллинга) // Новое Литературное Обозрение. 2008. № 92. С. 196–210.
17. Суворов Г.В. «Поворот к опыту»: метод познания истории в концепции «интеллектуального эмпиризма» Ф.Р. Анкерсмита // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 1. С. 224–229.
18. Товбин К.М. Онтологическое измерение традиционной духовности // Философия и культура. 2014. № 2. С. 239–251.
19. Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im Pränarrativen / Ed. by Th. Breyer and D. Creutz. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2010. 372 p.
20. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik. Tuebingen, 1990. 495 s.
21. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen, 2001. 445 s.

References (transliteration):

1. Ankersmit F.-R. Vozvyshennyi istoricheskii opyt / Per. s angl. A.A. Oleinikova, I.V. Borisovoi, E.E. Lyaminoi i dr. M.: Evropa, 2007. 612 s.
2. Ankersmit F.-R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory / Per. s angl. M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 496 s.
3. Ankersmit F.-R. Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov / Per. s angl. O. Gavrishinoi, A. Oleinikova. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s.
4. Baksheev E.S. «Dve smerti» v kul'turakh Yaponii i Ryukyu (Okinavy): dvustadiinaya pogrebal'naya obryadnost' v traditsionnykh obshchestvakh kak istoriko-kul'turologicheskaya problema (v kontekste kul'tur Aziatsko-Tikhoookeanskogo regiona) // NB: Istoricheskie issledovaniya. 2013. № 1. S. 129–191. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_470.html).
5. Gavrishina O.V. «Opyt proshlogo»: ponyatie «unikal'noe» v sovremennoi teorii istorii // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii. M., 2002. S. 328–350.
6. Gadamer G.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoi germeneyvtiki. M.: Progress, 1988. 704 s.
7. Demin I.V. Problema istinnosti istoricheskogo znaniya v narrativnoi filosofii istorii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya. 2008. № 1. S. 3–10.

8. Demin I.V. Fenomen nostalgii v gorizonte postmetafizicheskoi filosofii istorii // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya». 2012. № 1 (11). S. 16–25.
9. Demin I.V. Filosofiya istorii kak regional'naya ontologiya. Samara: Samar. gumanit. akad., 2012. 202 s.
10. Demin I.V. Filosofiya istorii kak filosofiya yazyka: osmyslenie istorii v gorizonte germenevticheskoi i analiticheskoi traditsii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013. № 6 (26). S. 158–163.
11. Domanska E. Filosofiya istorii posle postmodernizma / Per. s angl. M.A. Kukartsevoi. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2010. 400 s.
12. Kostyakova Yu.B. Istoricheskii opyt: ot ponimaniya sushchnosti k opredeleniyu termina // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 12 (26). Ch. II. S. 98–105.
13. Oleinikov A.A. Istoricheskii opyt — novyi predmet teorii (URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (data obrashcheniya 14.03.14)).
14. Oleinikov A.A. Istoricheskii opyt — novyi predmet teoreticheskikh issledovaniy // Homo historicus: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. L. Bessmertnogo. V 2-kh knigakh. Kn. 1. M.: Nauka, 2003. S. 299–311.
15. Prokhorov M.M. Bytie i istoriya: vzaimosvyaz' i opredelenie // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 1-71. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_113.html).
16. Rezvykh P. Opyt razryva i sobytie lyubvi (Tezisy ob «istoricheskom opyte» F. Ankersmita i «vechnom proshlom» F. Shellinga) // Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2008. № 92. S. 196–210.
17. Suvorov G.V. «Povorot k opytu»: metod poznaniya istorii v kontseptsii «intelektual'nogo empirizma» F.R. Ankersmita // Molodoi uchenyi. 2011. № 3. T. 1. S. 224–229.
18. Tovbin K.M. Ontologicheskoe izmerenie traditsionnoi dukhovnosti // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 239–251.
19. Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im Pränarrativen / Ed. by Th. Breyer and D. Creutz. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2010. 372 p.
20. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik. Tuebingen, 1990. 495 s.
21. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen, 2001. 445 s.